

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК

IV

ДРЕВНЯЯ
И СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН ПЕРЕДНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

ЧЕЛОВЕК В ХРОНИСТСКОЙ КАРТИНЕ МИРА:
ЕГО ПСИХИКА

1. Человек есть единство физических и психических начал. Поэтому, продолжая рассмотрение вопроса "Человек в хронистской картине мира"¹, нам надлежит обратиться к самому сложному и загадочному явлению человеческой сущности — к его психике и ее восприятию и осмыслению в хронистской картине мира.

Первая трудность — в распространенном среди историков негативном или в лучшем случае безразличном отношении к этой сфере человеческого существования и в связи с этим ее слабая изученность. Однако в последнее время историки все больше проникаются пониманием того, что постижение глубин исторического прошлого не будет полным без учета психики творцов этого прошлого².

В этом необходимом сближении двух наук пока более активны социологи и социальные психологи, доказывающие, что человеческая психика в своей совокупности социально обусловлена, что в силу меняющейся историко-социальной реальности человеческая психика исторически изменчива и что человеческая психика есть единство эмоционального и интеллектуального начал³.

Психика современного человека — объект чрезвычайно трудный для изучения, и эти трудности многократно возрастают при попытке восстановить своеобразие психики че-

¹ Weinberg J.P. Der Mensch im Weltbild des Chronisten: die allgemeinen Begriffe. — Klio. 1981, 63, 1, с.25–37; он же. Der Mensch im Weltbild des Chronisten: sein Körper. — OLP. 1982, 13, с.71–89.

² Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979, с.8.

³ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. — Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. I. М., 1980, с.67, 113; Васильев И.А., Поплуцкий В.Л., Тихамиров О.К. Эмоции и мышление. М., 1980, с.39; Кон И.С. Открытие "Я". М., 1978, с.111 и сл.; Поршнев Б.Ф. Социальная психология, с.200 и сл.; Рубинштейн С.Л. Человек и мир. — Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976, с.253–254, и др.

повека давно минувших времен. Не скрывая эти трудности, Л.И. Анциферова все-таки отстаивает тезис "о возможности воссоздания своеобразия психики человека на различных этапах развития общества по продуктам его созидательной деятельности, по всей совокупности его творений, характерных для определенной эпохи" и непременно включающих язык человека⁴. Одно из основных положений современного языкознания — признание неразрывной взаимосвязанности и взаимообусловленности психики человека с языком. Поэтому язык есть особо надежный показатель состояния и развития человеческой психики, а в эволюции "психологической эволюции" можно искать и находить отражение исторической эволюции человеческой психики⁵.

Кардинальным моментом эволюции человеческой психики является существование и смена двух форм или типов мышления — мифологического и научно-логического, качественная разность которых обуславливает разность создаваемых ими моделей и картин мира⁶, разность восприятия и осмысления в них феномена "человеческая психика".

Исходной точкой для всех рассуждений о специфике восприятия и осмысления человеческой психики мифологическим мышлением является признание его диффузности, проявившейся в неотчетливом разделении субъекта и объекта, материального и идеального и т.д.⁷ и коренившейся в структуре социально и психологически относительно однородных обществ. Такая относительная однородность предполагает также слабую выделенность индивида⁸. В этой невычлененности или недовычлененности индивида коренится антипсихологизм мифа⁹, который, однако, по мере эмансипации индивида смягчается, что приводит, например, в эпосе к созданию типов, образов, к эпической характеристике, "закономерность которой может быть сформулирована как качественное единообразие при количественном неравенстве качества"¹⁰. Одним из проявлений такого качественного единообразия является присущее мифологическим моделям мира признание примата и доминирования эмоцио-

⁴ Анциферова Л.И. К проблеме изучения исторического развития психики. — ИИс, с.86.

⁵ Кон И.С. Открытие "Я", с.152-153; Поршнев В.Ф. Социальная психология, с.104.

⁶ Вейнберг И.П. К вопросу об особенностях исторического мышления на древнем Ближнем Востоке. — Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник. V. Тб., 1977, с.66 и сл.; Структура понятийной системы в кн. Паралипоменон. — АГО. 1981, 9.

⁷ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976, с.165.

⁸ Кон И.С. Открытие "Я", с.125-131; ср.: Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978, с.25, и др.

⁹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа, с.225; Фрейдберг О.М. Миф, с.83.

¹⁰ Шталь И.В. Человек в поэмах Гомера. — ПАИК.2, с.189.

нального начала в человеческой психике¹¹, нередко сопряженное с представлением о нерасчлененности психической деятельности человека и органа, возбуждающего эту деятельность¹².

В античном мире отношение "я — мы" эволюционировало от тождества человека и гражданской общины через их диалектическое, противоречивое единство к наметившемуся разрыву¹³. Для классической античности, видимо, характерно диалектическое, противоречивое единство личности-индивидуальности с полисом, и лишь в эпоху эллинизма или в условиях Римской империи намечается разрыв между личностью-индивидуальностью и социально-политической общностью. Соразмерно этому нарастает процесс интериоризации, психологизации человека¹⁴, ведущий к тщательной разработке человеческого характера¹⁵. При этом античная научно-логическая мысль не только разграничивает и ограничивает мысленное и чувственное, но, как правило, утверждает примат и доминирующую роль интеллектуального начала¹⁶, одновременно отчетливо обособляя психическую деятельность от органа, ее возбуждающего.

Но каково восприятие и осмысление человеческой психики в ветхозаветной модели мира, особенно в хронистской картине мира?

Приближение к данному вопросу возможно, во-первых, с помощью диахронно-исторического подхода к Ветхому завету, сочетаемого с синхронно-структурным, а во-вторых, заменой выборочно иллюстрированного метода лексико-статистическим и семантическим анализом слов, обозначающих в Ветхом завете явления человеческой психики (субсфера Б₂).

¹¹ Дьяконов И.М. Введение. — Мифология древнего мира. М., 1977, с.27-28; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа, с.166, и др.

¹² Тахо-Годи А.А. Мифологическое происхождение поэтического языка "Илиады" Гомера. — АиС, с.202.

¹³ Инабе Г.С. Римская биография и "Жизнеописание Агриколы" Тацита. — ВДИ. 1980, 4, с.60-61.

¹⁴ Тахо-Годи А.А. О древнегреческом понимании личности на материале термина *sōma*. — Вопросы классической филологии. III-IV. М., 1971, с.274 и сл.; Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980, с.31 и сл., и др.

¹⁵ Аверинцев С.С. Греческая "литература" и ближневосточная "словесность". — ТВЛДМ, с.216 и сл.

¹⁶ Рожанский И.Л. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979, с.428; Коллингвуд Р.Дж. Идея истории, с.42; Grant M. The Ancient Historians. L., 1970, с.94-95; Montgomery H. Gedanke und Tat.Lund, 1965, с.30 и сл., и др.

11. Соответственно принятой нами методике исследования¹⁷ в таблице собраны данные: 1. об упомянутых в Ветхом завете явлениях человеческой психики; 2. о количестве слов — существительных и прилагательных, обозначающих эти явления в Ветхом завете в целом и в отдельных группах ветхозаветных сочинений (кроме I-II Chr.), и 3. о количестве явлений субсферы B₂ и обозначающих их слов в I-II Chr. с указанием степени их повторяемости, ибо интенсивность вхождения какого-либо явления в жизнь коллектива находит свое выражение в степени повторяемости обозначающего его слова¹⁸.

Таблица

№	Явление	Кол-во слов в							В I-II Chr.			
		VT	Pent	Dtr	Proph	Ps	Sap	Est	Neh	кол-во	сло-ва	пов-тор.
1-2.	внимание — расстройство внимания	4	1	2	1	2	2	1	1	1	kaššub	2/7*
3-4.	память — забывание	3	1	1	2	3	1	1	-	-	-	-
5.	мышление, мысль, разум	25	8	6	11	13	17	3	5	maḥšābā	4/56	
										maddā	3/6	
										bīnā	4/37	
										šēkel	4/16	
										ēša	6/86	
6-7.	мудрость, мудрый — глупость, глупый	11	3	3	6	7	11	1	1	hokmā	17/290	
										ḥākām		
8.	ощущение, чувство, влечение	20	6	5	10	8	10	1	3	yēser	2/10	
										ḥēšek	1/4	
										šōrek	1/1	
9-10.	спокойствие, успокоенность — беспокойство, растерянность	27	7	5	15	11	12	1	3	m ^e nūḥā,	4/31	
										nōaḥ		
										šālēw	1/8	
										m ^e hūmā	1/12	

¹⁷ Weinberg J.P. Der Mensch im Weltbild des Chronisten: die allgemeinen Begriffe, с.28-29.

¹⁸ Елумфилд Л. Язык. М., 1968, с.435.

11-12.	радость, веселье — печаль, страдание	32	11	7	19	14	22	4	4	šimhā hedwā hāpēs ōni	14/115 1/2 2/50 1/37
13-14.	страх, ис- пуг—надежда, ожидание	32	12	7	9	15	14	5	5	pāhad šammā yir'e'a za'āwā miqwe	5/49 2/39 2/90 1/12 1/15
15-16.	любовь, удовольст- вие — рев- ность, от- вращение, ненависть	26	11	12	20	15	18	2	6	'ahābā rāgōn hēmā qeqep hārōn za'ap	2/56 1/56 5/123 7/28 4/41 3/9
17-18.	смех—плач	11	4	3	10	7	5	1	-	-	-
		**									
		18:	15:	15:	17:	18:	16:	12:	12:		
		191	64	51	123	95	112	20	28		

* Первая цифра обозначает количество упоминаний данного слова в I-II Chr., вторая — в Ветхом завете в целом.

** Первый ряд цифр обозначает количество явлений субсферы B₂, второй ряд — количество обозначающих их слов.

Содержащиеся в таблице данные позволяют сделать ряд выводов:

1. Отчетливо проступает различие между степенью отраженности явлений человеческой психики в пророческих речениях, псалмах и литературе мудрости, с одной стороны, и в законодательных сборниках и исторических сочинениях, с другой стороны, ибо в последних количество упоминаемых явлений субсферы B₂ и обозначающих их слов значительно ниже, чем в первой группе. Бóльшая степень отраженности явлений человеческой психики в первой группе ветхозаветных сочинений соответствует их жанровым особенностям — повышенной эмоциональной насыщенности пророческих речений и псалмов, их обращенности к эмоциональной стороне человеческой психики. В таком случае правомерно предположить, что малая степень отраженности человеческой психики есть специфическая особенность ветхозаветных исторических сочинений, отчетливо проявившаяся в труде хрониста.

2. Правильность сказанного подтверждается еще одним показателем — соотношением между явлениями субсферы B₂ и количеством обозначающих их слов: если в пророческих сочинениях это соотношение равняется 1:7,2, в псалмах

1:5,3 и в литературе мудрости 1:7, то в произведениях исторического жанра этот показатель не только ниже, но и обнаруживает в диахронике устойчивую тенденцию к понижению — в Pent.1:4,3, в Dtr.1:3,4, в Esr.-Neh.1:1,6 и в I-II Chr.1:2,3. В предыдущих анализах¹⁹ эта тенденция объяснялась стремлением хрониста к устранению избыточных средств выражений и к экономии языковых средств. Однако по отношению к субсфере B₂ эта тенденция отнюдь не всегда сводима к данному стремлению: дело в том, что слова, обозначающие явления психики, при всей их кажущейся синонимичности, семантической близости зачастую выражают различные оттенки или нюансы психики, а скудность "психологического словаря" хрониста в таком случае доказательство его малой заинтересованности в многогранном феномене "человеческая психика".

3. Особо доказателен тот факт, что слова подсферы B₂ обладают в труде хрониста крайне низкой степенью повторяемости: только два слова (7%) имеют степень повторяемости выше средней для хрониста (10,5), а остальные употребляются им лишь редко и эпизодически.

Все вышесказанное позволяет высказать предположение о том, что степень отраженности человеческой психики, пространство ею занимаемое обуславливаются жанровой принадлежностью сочинений, что ветхозаветные исторические сочинения характеризуются малой степенью обращенности к явлениям человеческой психики, отчетливо проявляющейся в труде хрониста.

III. Данные таблицы доказывают, что явления интеллекта обозначаются в I-II Chr. 7 словами, которые упоминаются 40 раз, т.е. их средняя повторяемость составляет 5,7, а явления чувств обозначаются 21 словом при значительно более низкой средней степени повторяемости — всего 2,9. Отнюдь не переоценивая значимость этих показателей, можно предположить, что хронист больше внимания уделяет интеллекту, что подтверждается результатами последующего семантического и контекстуально-концептуального анализа слов, обозначающих явления интеллекта (А) и явления чувств (Б).

А.1. Из 25 слов, употребленных в Ветхом завете для обозначения феномена "мысль; мышление, разум, знание", хронист не употребляет 20, среди которых также "слово-ключ" dē'ā, da'āt (100 упоминаний во всех группах ветхозаветных сочинений, кроме Esr.-Neh. и I-II Chr.), имеющие значения: а. мудрость; б. знание, умение; в. понимание, постижение, преимущественно дарованное богом и обращенное к нему, но также г. познание, в том числе и

¹⁹ Weinberg J.P. Die Natur im Weltbild des Chronisten. — VT. 1981, 31, 3, с.329; он же. Der Mensch im Weltbild des Chronisten: die allgemeinen Begriffe, с.29-30.

женщины (Gn.4,1 и др.), свидетельствующее о содержащихся в этом понятии-слове мифологических аллюзий²⁰. Этих аллюзий нет в позднем образовании *maddā'*, имеющем лишь значение: понимание, разумение, которое, судя по контексту в II Chr.1,10,11,12, есть дарованное богом Соломону умение, разумение, "чтобы судить [или управлять] мой народ".

Если *maddā'* (совместно с *ḥokmā*) есть умение, разумение и т.д. в плоскости государственной деятельности, то словом *šēkel* хронист обозначает, во-первых (I Chr.26,14; II Chr.30,22), "понимание, умение" левитов в выполнении обряда и, во-вторых, дарованное богом Соломону вместе с *binā* "понимание, разумение" в соблюдении *tbrat ywhw* 'ēloheykā (I Chr.22,12) и в возведении храма для *ḏaxwe* (II Chr.2,11). Аналогичное значение имеет слово *binā* в тех случаях, когда оно сочетается с *šēkel* (I Chr.22,12; II Chr.2,11,12), но в I Chr.12,33 иссакариты характеризованы как *ybd^e 'ēy binā lā'ittim* (= умеющие читать знамения времени), т.е. в этом древнем тексте²¹ *binā* еще содержит элементы обозначения магического знания.

В рассматриваемой группе слов хронист чаще всего пользуется словом 'ēšā²², имеющим значения: а. совет, политическая консультация; б. практическая мудрость, руководство; в. план, исходящий от бога, человека. Хронист употребляет это слово в суженном значении, ибо, во-первых, 'ēšā исходит главным образом от людей — от сановников филистимлян (I Chr.12,20), от *zeḳenim* и *yelādīm* в окружении Рехабеама (II Chr.10,8) и от "дома Ахаба" (II Chr.22,5) и лишь один раз (!I Chr.25,16) от бога, а во-вторых, в труде хрониста 'ēšā есть лишь совет в сфере политической жизни.

2. К сфере человеческого интеллекта относится и *ḥokmā*²³, понимаемая в Ветхом завете в четырех основных значениях: а. практическая мудрость, т.е. знание и способность человека, содействующие его успеху в повседневной жизни и занятиях, проявляющиеся как общая способность мыслить, понимать, как государственная мудрость правителя и его советников и как техническое знание, умение ремесленника; б. этико-религиозная мудрость, наиболее кон-

²⁰ Аверинцев С.С. К использованию символики мифа об Эдипе. — АиС, с.96 и сл.

²¹ Weinberg J.P. Das Wesen und die funktionelle Bestimmung der Listen in I Chr.1-9. — ZAW. 1981, 93, 1, с.96-103.

²² Whybray R.N. The Heavenly Counsellor in Isaiah XL 13-14. Cambridge, 1971, с.26-29; Bennett R.A. Wisdom Motifs in Psalm 14-53 — *nābāl* and 'ēšāb. — BASOR, 1975, с.18.

²³ Fichtner J. Gottes Weisheit. Stuttgart, 1965, с.18-26; McKane W. Prophets and Wise Men. L., 1965, с.15 и сл.; Clements R. E. Prophecy and Tradition. Oxf., 1975, с.73-86, и др.

центрированно выраженная в Prov.; в. спекулятивная мудрость в понимании мира и жизни и г. средство, техника для приобретения спекулятивной мудрости²⁴. Диахронно-исторический подход к ḥokmā показывает, что первоначально она воспринимается в Ветхом завете как "wesentlich ein Erfahren — Kundigsein in bestimmter Lebensgestaltung", являющаяся в умении ремесленника, правителя и т.д. и являющаяся общечеловеческим феноменом, но позже ḥokmā "wird... weitgehend durch theologische Reflexion bestimmt"²⁵.

Какой аспект или грань ḥokmā наличествует в хронистской картине мира? Из 10 упоминаний этого слова в I-II Chr. оно 9 раз связано с Соломоном, который единственный из иудейских царей выступает носителем этого качества. Было бы заманчиво объяснить эту особенность хронистского рассказа о Соломоне полной его зависимостью от девтеронимической Vorlage, в которой ощущается влияние ближневосточной литературы мудрости или в основе которой лежат рассказы и описания мудрости Соломона, составленные мудрецами и писцами того времени²⁶. Однако хронист, во-первых, опускает два девтеронимических отрывка, содержащих quintessenz мудрости Соломона — "суд Соломона" (IR.3,16 и сл.) и IR.5,9-14, а во-вторых, он модифицирует девтеронимическое описание ḥokmā в теофании в Гибее: в Dtr. нет существительного ḥokmā и упоминается лишь lēb ḥākām w^enābōn (IR.3,12) с характерным для мифологического мышления представлением о единстве психической деятельности и органа — сердца, — ее возбуждающего, что начисто отсутствует в I-II Chr.; если в девтеронимическом рассказе "мудрое и понимающее сердце" непосредственно не связано с какой-либо деятельностью царя²⁷, то во всех трех упоминаниях ḥokmā в хронистском варианте теофании (II Chr.1,10,11,12) она вместе с mad-dā' дана богом царю, чтобы управлять народом.

Четырежды (II Chr.9,3,5,6,7) ḥokmā Соломона упоминается в эпизоде о посещении царицы Савской, причем особенно внимания заслуживают стк. 3-4, где царская ḥokmā наз-

²⁴ Fox M.V. Aspects of the Religion of the Book of Proverbs. — HUCA. 1968, 39, с.55-69.

²⁵ Weisheit. — WzB, с.645-648; ср.: Ringren H. Word and Wisdom. Lund, 1947, с.89 и сл.; Weiss H.-F. Untersuchungen zur Kosmologie des hellenistischen und palästinischen Judentums. В., 1966, с.189-196, и др.

²⁶ Alt A. Die Weisheit Salomos. — KSGVI II, с.90-99; Porten B. The Structure and Theme of the Salomon Narrative (I Kings 3-11). — HUCA. 1967, 38, с.115; Liver J. sēper dibrey š^elomo. — HMMY, с.92; Heaton E.W. Solomon's New Men. L., 1974, с.15 и сл., и др.

²⁷ Krecher J., Müller H.-P. Vergangenheitsinteresse in Mesopotamien und Israel. — Saeculum. 1975, 26, с.44.

вана в одном смысловом ряду с построенным Соломоном дворцом, яствами его стола, одеяниями его слуг и т.д. Такая же "вещность" ḥokmā Соломона подчеркивается признанием, что царь возвысился над всеми царями земли "богатством и мудростью" (1^e ošer w^eḥokmā, II Chr. 9, 22, 23)²⁸, а в единственном упоминании ḥokmā вне связанности с Соломоном речь идет о священниках и левитах, которые nāḏib baḥokmā 1^ekol 'abōdā (I Chr. 28, 21), т.е. обладают умением, знанием для участия в культе.

Характерное для хронистской картины мира восприятие ḥokmā как знания и способности человека в его практической деятельности повторяется во всех шести упоминаниях слова ḥākām (искусный, умелый; смелый, опытный; мудрец), ибо 5 раз (I Chr. 22, 15; II Chr. 2, 6, 12, 13) оно употребляется по отношению к ремесленнику, а один раз (II Chr. 2, 11) ḥākām назван Соломон в контексте строительства храма.

Анализ всех 40 упоминаний семи слов, употребленных хронистом для обозначения явлений интеллекта, показывает, что, во-первых, за исключением одного случая связанности 'ēšā с богом и двух случаев связанности с богом прилагательного kaššāb, kaššub (= внимательный) в очевидно древней формуле: tiḥ'euyenā 'āz'neykā [bora] kaššubōt (II Chr. 6, 40; 7, 15; ср. Ps. 130, 2), во всех остальных 37 упоминаниях (92%) интеллект в хронистской картине мира есть явление человеческой психики, кстати, не связанное с каким-либо органом человеческого тела. Во-вторых, носителем, субъектом интеллекта выступают преимущественно индивиды: царь Соломон (16 раз = 44%), отдельные ремесленники (6 раз = 14%) и, реже (15 раз = 42%), людские общности — левиты, священники, советники и др. В-третьих, за исключением одного случая, когда bīnā есть знание магическое, во всех остальных случаях человеческий интеллект проявляет себя в сферах государственной (22 раза = 60%), производственной (9 раз = 26%) и культовой (5 раз = 14%) деятельности.

Б,1. Эмоциональные состояния "спокойствие, успокоенность — беспокойство, растерянность" обозначаются хронистом тремя редко и эпизодически употребленными словами. Среди них mābāḥ, m^enūḥā и pbaḥ, имеющие значения: а. место отдыха и б. успокоение, спокойствие, которые хронист трижды (I Chr. 6, 16; 28, 2; II Chr. 6, 41) употребляет в первом значении по отношению к Ковчегу завета и богу²⁹ и лишь раз (I Chr. 22, 9) по отношению к Соломону, но как определение военно-политического положения буду-

²⁸ Ср.: *Mosis R. Untersuchungen zur Theologie des chronistischen Geschichtswerkes*. Freiburg — Basel — Wien, 1973, с. 135 и сл.

²⁹ *Schmidt W. Königtum Gottes in Ugarit und Israel*. В., 1961, с. 56.

щего царя и его государства. В этом же значении хронист употребляет прилагательное šālēw (I Chr. 4, 40), а слово mehūmā (= смущение, замешательство, оцепенение) служит ему (II Chr. 15, 5) для определения бедственного социального-политического положения народа.

2. Нередко постулируемое противопоставление: античный греческий мир = мир радости – ветхозаветный мир = мир печали³⁰ – неправильно по отношению к хронисту, который лишь раз упоминает слово 'ōnī (= страдание, печаль, беда), причем, судя по контексту (I Chr. 22, 14), в смысле "хлопотливая деятельность" Давида по подготовке строительства храма, т.е. в труде хрониста состояние печали и грусти фактически отсутствует. Зато состояние радости и веселья, обозначаемое словами šimhā и ḥedwā, упоминается хронистом 17 раз, причем всегда в связи с религиозными праздниками, со служением богу (I Chr. 15, 16, 25; II Chr. 23, 18; 29, 30 и др.). Еще показательнее то, что, за исключением двух случаев употребления слова ḥēreš (и ḥārēš) в значениях: желание, радость – по отношению к индивидам – Соломону и царице Савской (I Chr. 28, 9; II Chr. 9, 12), во всех остальных 15 упоминаниях состоянием радости и веселья охвачены различные людские общности – народ (I Chr. 12, 41; 29, 22; II Chr. 23, 13 и др.), жрецы (II Chr. 23, 18 и др.) и иные, т.е. в хронистской картине мира радость и веселье преимущественно есть психическое состояние людской общности.

3. Из 10 упоминаний в I-II Chr. слов rāḥad, yire'ā, za'āwā и šampā, имеющих значение: страх, воспринимаемый главным образом как страх перед богом³¹, есть в 9 случаях эмоция коллективная, и лишь раз (I Chr. 10, 4) yāgē' выражает психическое состояние индивида – оруженосца Шаула. Сопряженная со страхом надежда "внутри текстов Библии... есть главный модус отношения к абсолютной ценности. Сам библейский бог может быть назван "надеждой" для верующего"³², что, возможно, правильно по отношению к пророчествам, псалмам и литературе мудрости, где встречается 92% всех упоминаний слов miḳwe и tiḳwā (= надежда) в Ветхом завете. Однако эти слова полностью отсутствуют в Pent. и Dtr., а в единственном упоминании miḳwe хронистом (I Chr. 29, 15) оно имеет значение³³: безопасность народа в военно-политическом аспекте.

4. Зыбкость излишне обобщенных выводов сказывается также в распространенном мнении о том, что любовь есть

³⁰ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 64 и сл.

³¹ Crenshaw J.L. The Eternal Gospel (Eccl. 3, 11). – EOTE, с. 25, и др.

³² Аверинцев С.С. Поэтика, с. 75 и сл.

³³ Rudolph W. Chronikbücher. – NAT, 21. Tübingen, 1955, с. 192.

важнейшая и основополагающая категория ветхозаветной религии и этики³⁴. Это мнение вряд ли прилично к хронисту, ибо слово 'ahāvā, имеющее значения: а. любовь между мужчиной и женщиной, себялюбие и т.д. и б. любовь бога к своему народу и народа к своему богу, и преобладающее в своем втором значении в Dt. и Dtr., упоминается хронистом лишь дважды (II Chr. 2, 10; 9, 8) в смысле "любовь бога к своему народу", а единственное упоминание хронистом (II Chr. 15, 15) слова rāšbn (= желание, любовь) в данном контексте имеет значение: воля народа. В ветхозаветной модели мира большее пространство, чем любовь, занимают противоположные ей эмоции — ревность, отвращение, гнев, ненависть³⁵ (ср. II Sam. 13, 15). Сказанное правильно также по отношению к I-II Chr., где рассматриваемые эмоции, обозначаемые словами qešer, ḥārbn, ḥēmā и za'ar, 16 раз выражают гнев бога по отношению к народу (I Chr. 27, 24; II Chr. 12, 7; 19, 2 и др.), один раз — гнев народа (II Chr. 28, 9) и только два раза (II Chr. 16, 10; 26, 19) носителями этой эмоции выступают индивиды — цари Аса и Уззийаху.

Из вышесказанного следует, во-первых, что сфера эмоций занимает в хронистской картине мира пространство меньше, чем сфера интеллекта, и дополнительное доказательство тому — отсутствие в словаре хрониста как раз тех слов, которые наиболее адекватно выражают данное явление и имеют наибольшее распространение в Ветхом завете, — 'awwā, hawwā, ma'āwayūn и ta'awā (= желание, влечение и т.д.). Во-вторых, носителями эмоций выступает преимущественно людские общности (в 29 упоминаниях = 48%), затем бог (в 24 упоминаниях = 39%) и только в 8 случаях (= 13%) индивиды. Эмоции, в-третьих, проявляются главным образом (78% всех упоминаний) в религиозно-культурной области.

Семантический и контекстуально-концептуальный анализ слов, обозначающих в I-II Chr. явления человеческой психики, доказывает, что в восприятии и осмыслении хронистом человеческой психики на первый план выдвигается ин-

³⁴ Irwin W.A. The Hebrews. — IAAM, с.227 и сл.; Efros I.I. Ancient Jewish Philosophy. Detroit, 1964, с.107 и сл.; Moran W.L. The Ancient Near Eastern Background to the Love of God in Deuteronomy. — CBQ. 1963, 25, с.77—87; McCarthy D.J. Notes on the Love of God in Deuteronomy and the Father-Son Relationship between Jahweh and Israel. — CBQ. 1965, 27, с.144—147; Vriezen Th.C. The Religion of Ancient Israel. L., 1969, с.71 и сл.; McKay J.W. Man's Love for God in Deuteronomy and the Father/Teacher — Son/Pupil Relationship. — VT. 1972, 22, 4, с.426—435, и др.

³⁵ McCarthy D.J. The Wrath of Jahweh and the Structural Unity of the Deuteronomic History. — EOTE, с.101—107; Milgrom J. Studies in Levitical Terminology. 1. Berkeley, 1970, с.21; Levine B.A. In the Presence of the Lord. Leiden, 1974, с.69 и др.

теллект как явление преимущественно человечески-индивидуальное, что соответствует доминирующей в хронистской картине мира лице-головной специфике человека³⁶. Сфера же эмоций предстает в хронистской картине мира связанной преимущественно с людскими общностями и богом, что перекликается с восприятием хронистом пере́з главным образом как феномена коллективного³⁷. Позволительно предположить, что процесс индивидуализации человека воспринят и осмыслен в хронистской картине мира преимущественно на уровне интеллекта, что в представлении хрониста интеллект есть именно то, чем индивид выделяется из людских общностей.

IV. Тем самым мы подошли к постановке вопроса: воспринимает или не воспринимает хронист человека как личность и/или индивидуальность?

В поисках ответов на этот вопрос представляется целесообразным привлечь соответствующие глаголы, в которых фиксируются ситуативные, изменчивые и переходящие отношения. Просмотр текста I-II Chr. доказывает, что для обозначения интеллектуальной деятельности хронист пользуется 11 глаголами, средняя степень повторяемости которых равняется 8,6, и 16 глаголами для обозначения эмоциональной деятельности, средняя степень повторяемости которых составляет лишь 3. Таким образом, результаты независимой проверки полностью совпадают с ранее полученными данными и подтверждают правильность вывода о доминировании в хронистском восприятии человеческой психики интеллектуального начала. Еще важнее другое соответствие: разбор всех случаев употребления хронистом глаголов, обозначающих интеллектуальную деятельность, доказывает, что в 73% случаев эти действия осуществляются людьми, причем в 48% случаев индивидами, а эмоциональные действия в 52% случаев осуществляются людскими общностями, в 29% случаев — индивидами и в 19% случаев — богом, т.е. полностью подтверждается вывод о том, что сфера интеллекта есть преимущественно домен индивида.

Для решения поставленных вопросов целесообразно привлечь также самостоятельные личные местоимения 'āpokî и 'ānî, появления и модус употребления которых есть показатель процесса индивидуализации³⁸, в котором надлежит различать две стороны: количественную (степень выделения индивида из общины) и качественную (по каким признакам идет это выделение)³⁹. Собранный материал интересен

³⁶ Weinberg J.P. Der Mensch im Weltbild des Chronisten: sein Körper, с.87-88.

³⁷ Weinberg J.P. Der Mensch im Weltbild des Chronisten: die allgemeinen Begriffe, с.32-33.

³⁸ Поршнев Б.Ф. Социальная психология, с.80; Кон И.С. Открытие "я", с.8 и сл., и др.

³⁹ Кон И.С. Открытие "я", с.124.

тем, что он отражает сразу обе стороны процесса индивидуализации, причем большая часть этого материала — существительные и прилагательные, глаголы и самостоятельные личные местоимения — встречается в повествованиях о царях, главным образом о Давиде и Соломоне, являющихся для хрониста фигурами парадигматическими⁴⁰, что придает получаемым выводам определенную всеобщность.

1. В пространном повествовании о Давиде явления и действия интеллекта упоминаются весьма редко: Давид "знает" волю бога (I Chr. 14, 2; 29, 17), он "советуется" 'im sārēy hā'ālārîm w^ehammē'ôṭ (I Chr. 13, 1). Зато повествование насыщено эмоциональными явлениями и действиями, среди которых явно доминирует чувство "радость", охватившее царя и zîq^enēy yiśrā'ēl w^esārey hā'ālārîm (I Chr. 15, 25), царя и "народ" (I Chr. 29, 9). Признание связанности индивида — Давида — с людскими общностями через эмоции и в проявлениях эмоций перекликается с тем, что в данном повествовании самостоятельное личное местоимение — "я" Давида — часто упоминается сопряженным с людскими общностями, принадлежащим к людским общностям, к bēyt 'āb (I Chr. 17, 16; 21, 17) и "народу" (I Chr. 28, 2; 29, 14, 17). 'ānî Давида проявляется преимущественно в чувстве долга и вины (I Chr. 17, 1; 21, 17; 22, 7; 28, 2; 29, 17), в сознании своей незначительности (mî 'ānî... ūmî bēytî. I Chr. 17, 16; 29, 14). Преобладание эмоционального начала и связанности с людскими общностями образует в совокупности "некий резко очерченный и неподвижно застывший пластичный облик, который легко без ошибки распознать среди всех других"⁴¹, т.е. образует характер Давида или, точнее, тот компонент характера, который составляют психические качества человека.

2. Психический облик Соломона целиком и полностью определяется его интеллектом — его maddā', šēkel, bînā, но особенно его ḥokmā (II Chr. 1, 10, 11; 9, 3, 5 и др.), единоличным носителем которой является царь. Именно своим "разумением, знанием, умением и т.д." Соломон не только отличается от всех и превосходит всех (II Chr. 9, 23), но и вполне отчетливо осознает свою особость и превосходство, о чем свидетельствует модус употребления самостоятельного личного местоимения: 'ānî упоминается в повествовании о Соломоне 6 раз, но ни разу царское "я" не сопряжено с кем или чем-либо, оно всегда совершенно самостоятельное и автономное, преисполненное сознанием этой своей самостоятельности и автономности (II Chr. 2, 3, 4, 8 и др.).

⁴⁰ Braun R.L. Solomonic Apologetic in Chronicles. — JBL. 1973, 92, 4, с. 503—516; Williamson H.G.M. The Accession of Solomon in the Books of Chronicles. — VT. 1976, 26, 3, с. 357, и др.

⁴¹ Аверинцев С.С. Греческая "литература", с. 217.

Давид и Соломон предстают в хронистской картине мира личностями-индивидуальностями, обладающими очерченными характеристиками, однако они представляют различные стадии в процессе индивидуализации; если Давид предстает тесно связанным с людскими общностями через доминирующую в его характере сферу эмоций, то доминанта в характере Соломона — его интеллект — обуславливает большую степень автономности его личности-индивидуальности.

Заслуживает внимания еще один момент: герои хронистского повествования — иудейские цари — постоянно делают выбор. Такой выбор делает Давид, отказываясь пить принесенную воду (I Chr. 11, 17 и сл.), выбирая меру наказания за учет народа (I Chr. 21, 11 и сл.) и т.д.; Соломон выбирает из возможных даров бога *ḥokmā* и *maddā'* (II Chr. 1, 7 и сл.) и т.д.; Рехабеам выбирает между советами *zēkēnīm* и *u'ēlādīm* (II Chr. 10, 6 и сл.) и т.д., а "главная функция личности это производить выбор действия"⁴².

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Хронистская картина мира характеризуется лишь малой степенью заинтересованности в человеческой психике, в которой, однако, хронист четко различает два ее начала — интеллект и эмоции, признавая первое доминантой в человеческой психике.

2. Если в сфере эмоций человек воспринимается и осмысливается в хронистской картине мира преимущественно в единстве с людскими общностями, то интеллект в представлении хрониста есть именно то, в чем и чем на уровне человеческой психики осуществляется выделение индивида из людских общностей⁴³.

3. Многое в восприятии и осмыслении хронистом человеческой психики — разграничение интеллекта и эмоций, признание доминирующей роли первого, обособление психической деятельности от органов, ее возбуждающих, процесс индивидуализации, проявляющийся преимущественно в сфере интеллекта, знание феномена "человеческий характер" и восприятие некоторых героев его повествования личностями-индивидуальностями и др. — показывает сущностные черты сходства с восприятием и осмыслением человеческой психики древнегреческим научно-логическим мышлением.

⁴² Поршнев Б.Ф. Социальная психология, с.192.

⁴³ Ср.: *Montgomery H. Gedanke*, с.81-94.